

УДК 330.342

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-8-969-978>

Трансформация производственной структуры современной экономики: сервисизация или новое индустриальное развитие?

Олег Григорьевич Смешко¹, Владимир Александрович Плотников²✉,
Юлия Владимировна Вертакова³

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

³ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ rectorat@spbacu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3610-0081>

² Plotnikov_2000@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3784-6195>

³ vertakova7@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1685-2625>

Аннотация

Цель. Исследовать проявления и фундаментальные причины структурных трансформаций современной экономики с позиций соотношения в ней сервисных и индустриально-производственных видов деятельности.

Задачи. Выявить взаимосвязь между результатами экономического развития и экономико-теоретическими взглядами, господствующими в обществе; проанализировать феномен сервисизации экономики и его статистическое отражение; специфицировать причины изменения производственной структуры современной экономики, традиционно (в рамках теории постиндустриального развития) трактуемые как ее сервисизация; сформулировать предложения о корректировке экономической политики, направленные на формирование модели нового индустриального развития в условиях санкционных ограничений.

Методология. Исследование базируется на научных концепциях классической и современной экономической теории, а также на анализе фактических данных, характеризующих структурные изменения современных экономических систем России и иных стран мира.

Результаты. Авторами выявлены фундаментальные причины отражаемого в официальном статистическом наблюдении изменения производственной структуры современной экономики, получившего наименование «сервисизация». Этих причин две: во-первых, развитие структуры потребностей, стимулирующее производство услуг, что связано с потребительским спросом, а наращивание производства услуг — с более полным удовлетворением повышающихся потребностей людей; во-вторых, основанное на углублении разделения труда совершенствование организации производства, которое по мере повышения его технологического уровня и внедрения новых инструментов координации (в частности, основанных на цифровизации) и сетевых форм взаимодействия между фирмами становится распределенным, при этом межфирменные транзакции, имеющие по своей сути производственный характер, в статистике учитывают как сервисное взаимодействие.

Выводы. Выявленное в ходе исследования расхождение между формой (сервисное) и сущностью (производственно-индустриальное) взаимодействия фирм ошибочно принимают в теории постиндустриального развития за признак утраты промышленностью ее значимости в современной экономической модели. Следствием таких не вполне корректных трактовок наблюдаемых фактов становится неверный выбор инструментов экономической политики. Это приводит к проблемам в экономическом развитии, которые, в частности, четко проявились в условиях санкций. Рассмотренные в статье положения могут, по мнению авторов, стать базой для пересмотра на практике подходов к осуществлению экономической политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: производственная структура экономики, структурная трансформация экономики, экономическая политика, постиндустриализация, сервисизация, новое индустриальное развитие, технологический университет

© Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В., 2025

Для цитирования: Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Трансформация производственной структуры современной экономики: сервизация или новое индустриальное развитие? // *Экономика и управление*. 2025. Т. 31. № 8. С. 969–978. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-8-969-978>

Transformation of the modern economy production structure: Servitization or new industrial development?

Oleg G. Smeshko¹, Vladimir A. Plotnikov²✉, Yuliya V. Vertakova³

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

³ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

¹ rectorat@spbacu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3610-0081>

² Plotnikov_2000@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-3784-6195>

³ vertakova7@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1685-2625>

Abstract

Aim. The work aimed to study the manifestations and fundamental causes of structural transformations of the modern economy from the standpoint of the relationship between service and industrial-production activities.

Objectives. The work seeks to identify the relationship between the results of economic development and the economic-theoretical views prevailing in society, to analyze the phenomenon of servitization of the economy and its statistical presentation; to specify the reasons for changes in the production structure of the modern economy, interpreted traditionally (within the theory of post-industrial development) as its servitization, to formulate proposals for adjusting economic policy aimed at creating a model of new industrial development in the context of sanctions.

Methods. The study is based on scientific concepts of classical and modern economic theory, as well as on the analysis of factual data characterizing structural changes in modern economic systems of Russia and other countries of the world.

Results. The authors have identified the fundamental reasons for the change in the modern economy production structure, which is presented in official statistical observations and is called servitization. There are two of these reasons, namely the development of the structure of needs, stimulating the production of services, which is associated with consumer demand, while the increase in the production of services is associated with a more complete satisfaction of the growing needs of people; another reason is the improvement of the organization of production based on the enhanced division of labor, which, as its technological level increases and new coordination tools (in particular, based on digitalization) and network forms of interaction between companies are introduced, becomes distributed, while intercompany transactions, essentially being the production in nature, are taken into account in statistics as service interaction.

Conclusions. The discrepancy between the form (service) and essence (production-industrial) of interaction between companies revealed in the study course is mistakenly taken in the theory of post-industrial development as a sign of the loss of industry's significance in the modern economic model. The consequence of such not entirely correct interpretations of the facts observed is the wrong choice of economic policy instruments. This leads to problems in economic development, which, in particular, clearly manifested themselves under sanctions. According to the authors, the provisions discussed in the article can become the basis for revising in practice the approaches to the implementation of economic policy in the Russian Federation.

Keywords: *production structure of the economy, structural transformation of the economy, economic policy, post-industrialization, servitization, new industrial development, technological sovereignty*

For citation: Smeshko O.G., Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. Transformation of the modern economy production structure: Servitization or new industrial development? *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2025;31(8):969-978. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-8-969-978>

Введение

Развитие экономики во все времена происходит в русле тех или иных теоретических парадигм, объясняющих это развитие. Движению социальной материи, которое прояв-

ляется в том числе и через экономическую динамику, присущ объективный характер [1]. Но человеческая хозяйственная деятельность, будучи осознанной и целесообразной, привносит в этот объективный процесс субъективное управленческое начало, которое всегда стро-

ится на фундаменте определенной теории и методологии. Реализуется это управленческое начало на уровне экономической системы в целом через экономическую политику [2].

Неверные (ошибочные) теоретические основания подобной политики неизбежно приводят к негативным последствиям ее реализации, что сдерживает экономическое развитие и отрицательно влияет на общественное благосостояние, даже может приводить к ограничениям национального суверенитета. Подтверждением наших умозаключений может служить факт, который стал очевидным в России после «санкционного шока» 2022 г. [3]. Речь идет об обеспечении технологического суверенитета [4], который, как «неожиданно» установлено, находится на недопустимо низком уровне.

В действительности это не было неожиданным. Полученный результат стал закономерным, логичным и ожидаемым (именно на его получение и негативные последствия для российской экономики рассчитывали правящие круги недружественных государств, введших и продолжающих вводить антироссийские санкции). С 90-х гг. XX века в России планомерно и последовательно проводили реформы, реализуя экономическую политику, направленную на встраивание в систему международного разделения труда, на соответствующее изменение производственной структуры экономики.

Следствием этого стала утрата многих национальных критически важных производств, продукция которых была замещена иностранными поставками, что и обострило в итоге проблему технологического суверенитета. Иными словами, эта проблема носит рукотворный характер; причина ее обострения видится не только в многочисленных антироссийских санкциях (которые, как показал опыт, можно вполне успешно обходить [5]), но и в осуществляемой в течение ряда предшествовавших десятилетий экономической политики, выстроенной на теоретической основе либерального направления экономической теории.

Таким образом, можно сделать важный для нашего исследования вывод о том, что успех или неуспех экономического развития во многом определен экономической политикой, которая реализуется для достижения результатов этого развития. Политика, в свою очередь, строится на тех или иных теоретических основаниях. В данном контексте известная крылатая фраза Л. Больцмана

о том, что «нет ничего более практичного, чем хорошая теория», приобретает конкретное наполнение. Этим обусловлены цель и задачи настоящего исследования.

Сервисизация экономики: сущность феномена

Структура современной экономики постепенно изменяется [6; 7]. Несмотря на обоснованную критику теории постиндустриального развития [8], в рамках которой предполагается, что традиционное индустриальное производство постепенно утрачивает значимость, а услуговые виды хозяйственной деятельности, напротив, становятся все более значимыми, следует признать, что доля сферы услуг в экономике с течением времени возрастает. Это подтверждается данными объективной статистики.

Исходя из количественного критерия, можно утверждать, что значимость сферы услуг увеличивается, как показано на рисунке 1, на котором приведены сведения о динамике доли сферы услуг применительно к валовому внутреннему продукту (ВВП) ряда стран мира за несколько последних десятилетий. На рисунке 1 также прослеживается долгосрочный тренд роста этой доли. По состоянию на 2022 г. (последний год, относительно которого Всемирный банк приводит соответствующую статистику), в глобальном ВВП на услуги приходилось более половины (61,8 %).

Что является причиной динамичного увеличения доли услуг в производстве? Традиционный ответ на этот вопрос связан с изменением структуры потребностей [9]. Действительно, если не рассматривать эффект симулятивного потребления [10], хотя для развитых вестернизированных экономик он значим, и базироваться, например, на широко известной иерархии потребностей, предложенной А. Маслоу [11], то можно заключить, что в случае роста уровня жизни людей их материальные запросы (относимые к нижним уровням иерархии по А. Маслоу) в целом быстро удовлетворяются материальными продуктами.

Дальнейшее восхождение по пирамиде потребностей задействует такие из них, для удовлетворения которых во многом необходимы уже не материальные продукты. Это дает импульс к развитию сферы услуг. К тому же в стремлении к дальнейшему росту корпорации начинают навязывать

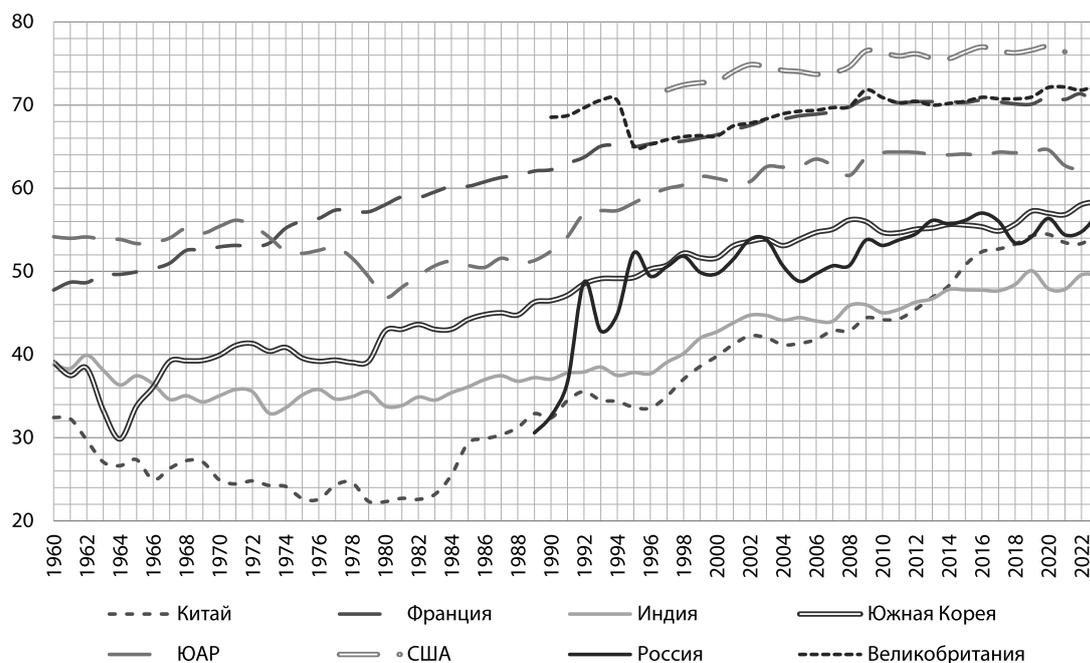

Рис. 1. Доля услуг в ВВП некоторых стран мира, %
 Fig. 1. The share of services in gross domestic product of some countries of the world, %

Источник: построено В. А. Плотниковым по данным Всемирного банка. См.: Услуги, добавленная стоимость (% от ВВП) // Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS> (дата обращения: 20.04.2025).

людям потребности симулятивного типа [12]. Сделанная нами цепочка рассуждений находит количественное подтверждение, что отражено на рисунке 2.

Как видно на рисунке 2, добавленная стоимость, создаваемая в сфере услуг в мире, и ВВП на душу населения связаны линейной зависимостью. По мере роста благосостояния, измеряемого ВВП на душу населения, увеличивается в объеме и сфера услуг. К тому же этот рост, если сравнить рисунки 1 и 2, является опережающим.

Производственно-технологическая сущность сервисизации

Помимо развития структуры потребностей, стимулирующей производство услуг, существует и второй фактор, который, по нашему мнению, имеет не меньшее значение. Попробуем понять, в чем состоит его сущность. Первый фактор связан с потребительским спросом, а наращивание производства услуг — с более полным удовлетворением повышающихся потребностей людей. Казалось бы, в экономике сервисизацию, под которой мы понимаем количественное увеличение доли услуг в производстве в целом [13; 14; 15], можно несколько затормозить через трансформацию культуры, через разумное

ограничение потребностей. О неизбежности такого пути развития экономической, потребительской культуры размышляет, например, член-корреспондент РАН С. Д. Бодронов в своей теории ноономики [8].

Известен пример Японии, в которой сдерживающим фактором экономического роста, как утверждают многие специалисты, являются особенности национальной культуры, ментальность японцев. Они разумно самоограничивают себя в потреблении, негативно относятся к «перепотреблению» [16]. Исходя из этой характерной черты японской потребительской культуры, можно было бы ожидать, что процессы сервисизации японской экономики не должны слишком проявляться. Это предположение находит количественное подтверждение, как видно на рисунке 3, на котором приведены данные о динамике доли сферы услуг в ВВП Японии за 1965–2023 гг.

Среднее значение этого показателя за указанный период составило 61,6 %, отклонения от среднего значения невелики. Потребительская модель японцев, что прослеживается на рисунке 3, не способствует нарастанию сервисизации экономики. В Японии не наблюдается характерный для многих других стран и мира в целом (рисунок 1) тренд на возрастание доли услуг в национальной экономике.

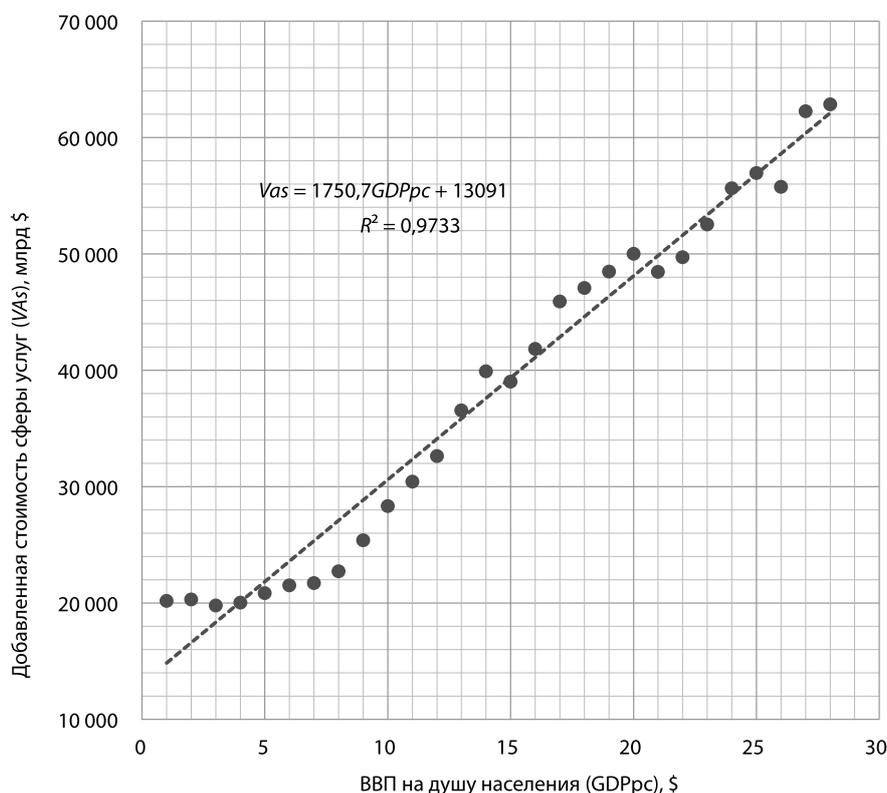

Рис. 2. Зависимость добавленной стоимости, создаваемой в сфере услуг в мире, от ВВП на душу населения (1995–2023), в текущих ценах

Fig. 2. Dependence of added value created in the service sector in the world on gross domestic product per capita (1995–2023), in current prices

Источник: построено В. А. Плотниковым по данным Всемирного банка. См.: Услуги, добавленная стоимость (в текущих долларах США) // Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.CD> (дата обращения: 20.04.2025); ВВП на душу населения (в долларах США по текущему курсу) // Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?contextual=default&en> (дата обращения: 20.04.2025).

Вместе с тем уровень сервисизации японской экономики высок, если сравнивать ситуацию с остальными крупными странами. Причина этого, по нашему мнению, состоит в проявлении второго фактора, влияющего на сервисизацию экономики, то есть разделения труда. Феномен разделения труда, как принято считать, впервые описан классиком экономической теории А. Смитом, который открыл его прогрессивное воздействие на повышение эффективности хозяйственной деятельности. В частности, он пишет: «Разделение труда в любом ремесле, в каких бы размерах оно ни было введено, вызывает соответствующее увеличение производительности труда. По-видимому, отделение друг от друга различных профессий и занятий вызывалось этим преимуществом» [17].

Сущность разделения труда на микроуровне экономики состоит в расщеплении комплексных, сложных трудовых операций на более простые составляющие с последующим закреплением этих простых операций за раз-

ными людьми. У Смита разделение труда рассмотрено на современном ему примере организации работ на булавочной мануфактуре, на которой оно давало значительный прирост эффективности производства. По сути, речь идет о внутрифирменном разделении труда.

По мере роста выпуска продукции разделение труда перешагивает границы фирмы. Возникает феномен разделения труда не внутри фирмы, а между фирмами, каждая из которых начинает специализироваться на своем узком участке цепочки создания стоимости конечного продукта. Современная действительность показывает множество подобных примеров. Так, многие автозаводы сегодня представляют собой сборочные производства, зависящие от самостоятельной отрасли по производству автокомпонентов. Аналогичная ситуация наблюдается в производстве радиоэлектронных устройств и приборов, зависящих от поставок электронных компонентов. И подобных примеров немало. Дополним, что по традиции, восходящей к марксизму,

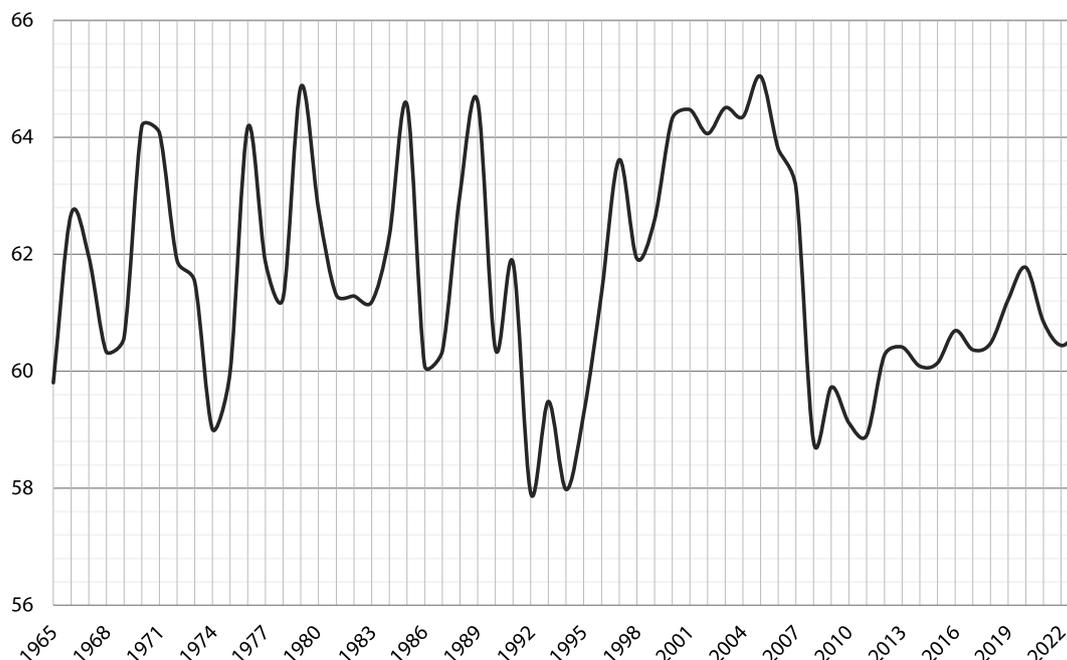

Рис. 3. Доля услуг в ВВП Японии, %
 Fig. 3. The share of services in gross domestic product of Japan, %

Источник: построено В. А. Плотниковым по данным Всемирного банка. См.: Услуги, добавленная стоимость (% от ВВП) // Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS> (дата обращения: 20.04.2025).

все эти виды разделенной между специализированными работниками или фирмами деятельности по-прежнему могут быть отнесены к материальному производству. Хотя большинство выполняемых операций и не связано с производством конечного продукта, но их результатом становится материальный промежуточный продукт (в приведенных выше примерах — автомобильные детали или электронные компоненты).

К чему приводит дальнейшее разделение труда в материальном производстве? К тому, что результатами отдельных разделенных операций становятся уже не материальные продукты, а такие манипуляции с ними, которые именуются «работами» или «услугами», то есть в марксистской трактовке эти манипуляции классифицируются как элементы нематериального производства, а в современных классификаторах видов экономической деятельности они могут быть отнесены к сфере услуг. Их развитие воспринимается как признак «постиндустриализма» или сервисизации экономики.

Приведем в качестве примера известный в хозяйственной практике феномен аутсор-

синга [18; 19]. Это «расщепление» по описанной нами выше схеме бизнес-процессов компании, когда работы и функции, которые ранее выполняли внутри компании, с использованием ее собственных ресурсов, передают на исполнение сторонним организациям — аутсорсерам. Аутсорсинг получил широкое распространение и в России, и за рубежом.

Например, по состоянию на 2023 г. «в России насчитывается более 30 тыс. компаний, занимающихся аутсорсингом бухгалтерского учета... В свою очередь, услугами бухгалтерского аутсорсинга в России пользуются около 1 млн компаний и индивидуальных предпринимателей»¹. Другой пример связан с IT-аутсорсингом, что отражено на одном из деловых порталов: «В 2024 году затраты на глобальном рынке аутсорсинга разработки программного обеспечения достигли \$115,87 млрд. Для сравнения, годом ранее расходы в соответствующей области оценивались в \$110,26 млрд. Таким образом, рост составил примерно 5 %»².

В последнем случае говорится именно о производственной деятельности, то есть создании программного обеспечения (ПО).

¹ Анализ российского рынка аутсорсинга бухгалтерских услуг: итоги 2023 г., прогноз до 2027 г. // РБК. 2024. 5 сентября. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/15086> (дата обращения: 15.04.2025).

² IT-аутсорсинг // TAdviser.ru. 2010. 23 мая. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 15.04.2025).

Об этом речь идет, например, на портале TAdviser: «Передавая разработку ПО высококвалифицированным сторонним специалистам, организации могут сосредоточиться на своих основных задачах и поднять производительность. Аутсорсинг помогает устранить накладные расходы, связанные с содержанием внутренней команды программистов... передавая *создание* [выделено нами] софта специализированным аутсорсинговым фирмам, заказчики могут минимизировать риски. Такой подход позволяет не только улучшить качество конечных продуктов, но и ускорить их вывод на коммерческий рынок»¹.

Иными словами, будучи ранее внутренним, производственный процесс создания ПО в рассмотренном примере расщепляется на компоненты (подпроцессы). Некоторые из них передают на исполнение сторонним организациям (аутсорсерам), оказывающим компании-заказчику (аутсорси) услуги производственного характера. Аналогично может происходить передача на аутсорсинг внутренних работ (которые, будучи выведенными за организационные границы компании, превращаются в услуги) по ремонту и обслуживанию производственного оборудования, его наладке и перенастройке, транспортному обслуживанию и выполнению иных логистических функций, выполнению уникальных производственных операций, требующих наличия специфических активов, и др.

В данном случае необязательно имеют в виду аутсорсинг, могут использовать и иные формы партнерства. Последние разнообразны, и не всегда возможна их строгая классификация (в этом случае говорят о гибридных формах партнерства [20; 21; 22]). Важно то, что в рамках таких партнерств их участники в значительной мере связаны оказанием друг другу разнообразных услуг, многие из которых «вычленены» из единой системы внутренних деловых, в том числе производственных, процессов и переданы «на сторону». Именно указанной формой разделения труда, по нашему мнению, обусловлено увеличение популярности «горизонтальных», «сетевых», «ассоциативных», «виртуальных», «кластерных» и иных объединений организаций в последние десятилетия.

При таком рассмотрении находим разумное объяснение на микроуровне эффекта, который С. Д. Бодрунов именуется на макроуровне «миражом постиндустриализма» [8].

¹ ИТ-аутсорсинг // TAdviser.ru. 2010. 23 мая. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 15.04.2025).

Несмотря на наблюдаемое возрастание доли услуг в валовом выпуске, что сопровождается сокращением доли традиционных индустриальных видов деятельности, значимость последних не уменьшается. Общество остается по своей сути индустриальным, хотя и сожвавшимся (в количественном выражении) производственно-индустриальным сектором.

Следовательно, ожидаемая в рамках «постиндустриального развития» структурная революция не произошла. Общество в целом и экономика в частности по-прежнему находятся в критической зависимости от материального (индустриального) производства. При этом научно-технологический прогресс лишь усиливает рассмотренную нами тенденцию. Используемые для производства активы становятся все более специфичными, а владение ими — чрезвычайно затратным даже для крупных корпораций.

Приведем в подтверждение указанных нами положений известный пример из области микроэлектроники: «Существует несколько основных компаний-производителей микрочипов... Samsung в Южной Корее, TSMC на Тайване, Huawei в Китае, а также Intel и Texas Instruments в США. Все они производят чипы на собственных фабриках. Но машины, которые они используют для производства, производятся в основном одной компанией — голландской Advanced Semiconductor Materials Lithography (ASML)... Одна EUV-машина стоит более 200 миллионов долларов... Сложность как технологии, так и цепочки поставок дает ASML сильное конкурентное преимущество. Время и затраты, которые потребуются конкуренту для воспроизведения всего процесса изготовления одной машины EUV-литографии, создают очень высокие барьеры для входа... И поэтому в течение следующих нескольких десятилетий ASML сохранит свою монополию»¹.

Рассуждая в терминах институциональной экономической теории, полагаем, что компания ASML обладает специфическими производственными активами, а ее деловые партнеры, исходя из соотношения выгод и затрат, предпочитают не разрабатывать собственное оборудование (даже с учетом того, что перед некоторыми странами, в частности перед Китаем, остро стоят проблемы обеспечения национального технологического суверенитета [23]), но пользоваться услугами этого производителя. Рост сложности про-

изводственных процессов порождает увеличение количества и разнообразия подобных специфических активов. Вследствие этого формируются партнерские сети, участники которых оказывают друг другу услуги. Будучи по своей сути элементами, частными процессами распределенного между участниками сети индустриального производства, эти взаимодействия в официальной статистике фиксируются как услуги. В результате технологическое развитие сопровождается ростом добавленной стоимости, создаваемой такими псевдоуслугами.

Но этот видимый эффект не должен вводить в заблуждение. В рассмотренной нами ситуации речь де-факто идет о создании все более усложняющихся распределенных индустриальных производств, а возникающие вследствие этого эффекты возрастания объемов (псевдо)услуг, оказываемых участниками таких производств друг другу, находят отражение лишь в статистике, которая требует содержательной, а не формальной интерпретации. Указанные обстоятельства требуют учета и в экономической политике.

Выводы

В результате проведенного исследования выявлены фундаментальные причины отражаемого в официальном статистическом наблюдении изменения производственной структуры современной экономики, получившего наименование «сервисизация». В основе этого феномена во многом находится не снижение значимости промышленного производства,

как ошибочно пишут сторонники теории постиндустриального развития, но совершенствование организации производства, которое по мере повышения его технологического уровня и внедрения новых инструментов координации (в частности, основанных на цифровизации) и сетевых форм взаимодействия между фирмами становится распределенным. Межфирменные транзакции, имеющие производственный характер, в большей степени учитываются как сервисное взаимодействие.

Такое расхождение между формой (сервисное) и сущностью (производственно-индустриальное) подобного взаимодействия ошибочно принимают за признак утраты промышленностью ее значимости в современной экономической модели. Следствием этих не вполне корректных трактовок наблюдаемых фактов становится неверный выбор инструментов экономической политики. До середины 2015 г., до вступления в силу Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ, в составе экономической политики, реализуемой в России, отсутствовала промышленная компонента. Это приводит к проблемам в экономическом развитии, которые, в частности, четко проявились в условиях санкций.

Рассмотренные нами в статье положения требуют дальнейшего развития в теоретическом аспекте. Но даже на уровне сформулированных и изложенных идей они должны, по нашему мнению, стать базой для пересмотра на практике подходов к осуществлению экономической политики в России.

Список источников / References

1. Гринин Л. Е., Коротаяев А. В. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы) // *Философия и общество*. 2007. № 3. С. 5–48.
Grinin L.E., Korotayev A.V. Social macroevolution and historical process (introduction). *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2007;(3):5-48. (In Russ.).
2. Клейнер Г. Системная структура экономики и экономическая политика // *Проблемы теории и практики управления*. 2006. № 5. С. 8–21.
Kleiner G. Systemic structure of economy and economic policy. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Theoretical and Practical Aspects of Management*. 2006;(5):8-21. (In Russ.).
3. Плотников А. В., Харламов А. В. Направления нейтрализации негативного влияния неэкономических шоков на реальный сектор экономики России // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2023. № 1. С. 50–58.
Plotnikov A.V., Kharlamov A.V. Directions to neutralize the negative impact of non-economic shocks on the real sector of the Russian economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2023;(1):50-58. (In Russ.).
4. Плотников А. В., Плотников В. А. О достижении технологического суверенитета в контексте обеспечения экономической безопасности России в условиях санкций // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 8. С. 987–998. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-8-987-998>

¹ Полупроводниковая монополия: как одна голландская компания держит под контролем мировую индустрию микросхем // Хабр. 2024. 12 февраля. URL: <https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/787000/> (дата обращения: 16.04.2025).

- Plotnikov A.V., Plotnikov V.A. Achievement of technological sovereignty in the context of ensuring Russia's economic security in the conditions of sanctions. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(8):987-998. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-8-987-998>
5. Корзихина Е. М., Баранов Д. Н. Механизмы обхода односторонних экономических ограничений для нефтегазовой отрасли в Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2023. № 3. С. 18–27. <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2023-3-18-27>
Korzikhina E.M., Baranov D.N. Mechanisms for circumventing unilateral economic restrictions for the oil and gas industry in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie = Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*. 2023;(3):18-27. (In Russ.). <https://doi.org/10.21777/2587-554X-2023-3-18-27>
 6. Каратаев С. В., Баженов И. Н., Прокопенкова И. О., Трошин Н. Н. Фрагментирующийся мир: куда движется глобальная экономика? // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 3. С. 12–65. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_3_12
Karataev S.V., Bazhenov I.N., Prokopenkova I.O., Troshin N.N. The fragmenting world: Where is the global economy heading? *Problemy natsional'noi strategii = National Strategy Issues*. 2024;(3):12-65. (In Russ.). https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_3_12
 7. Плотников В. А. Структурные трансформации российской экономики под воздействием шоков и национальная экономическая безопасность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2023. № 1. С. 15–25. <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2023-1-15-25>
Plotnikov V.A. Structural transformations of the Russian economy under the influence of shocks and national economic security. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*. 2023;(1):15-25. (In Russ.). <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2023-1-15-25>
 8. Бодрунов С. Д. Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
Bodrunov S.D. Noonomics. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya; 2018. 432 p. (In Russ.).
 9. Петров А. Н., Карпова Г. А., Хорева Л. В. Концептуализация подходов к формированию целостной теории услуг // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 1. С. 40–50.
Petrov A.N., Karpova G.A., Khoreva L.V. Conceptualization of approaches to designing integrated theory of services. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2012;(1):40-50. (In Russ.).
 10. Бобылев В. С., Романов А. А. Формирование симулятивного поведения как новый способ стимулирования сбыта // Прикладные экономические исследования. 2024. № S1. С. 91–95. <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2024.47.67.013>
Bobylev V.S., Romanov A.A. Formation of simulation behavior as a new way of sales promotion. *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya = Applied Economic Research*. 2024;(S1):91-95. (In Russ.). <https://doi.org/10.47576/2949-1908.2024.47.67.013>
 11. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
Maslow A.H. Motivation and personality. London: Longman Publishing; 1987. 336 p. (Russ. ed.: Maslow A. Motivatsiya i lichnost'. St. Petersburg: Piter; 2019. 400 p.).
 12. Амин С. Россия: долгий путь от капитализма к социализму / пер. с англ. СПб.: ИНИР; М.: Культурная революция, 2017. 148 с.
Amin S. Russia and the long transition from capitalism to socialism. New York, NY: Monthly Review Press; 2016. 135 p. (Russ. ed.: Amin S. Rossiya: Dolgii put' ot kapitalizma k sotsializmu. St. Petersburg: Witte Institute for New Industrial Development; Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2017. 148 p.).
 13. Волкова А. А. Сфера услуг: теоретический анализ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 4. С. 11–16.
Volkova A.A. The sphere of services: A theoretical analysis. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2014;(4):11-16. (In Russ.).
 14. Котляров И. Д. Платформенная трансформация и сервисизация: взаимосвязь тенденций развития экономики // Экономика и управление: теория и практика. 2024. Т. 10. № 4. С. 40–47.
Kotliarov I.D. Platform transformation and servitization: The relationship of trends of economic development. *Ekonomika i upravlenie: teoriya i praktika = Economy and Management: Theory and Practice*. 2024;10(4):40-47. (In Russ.).
 15. Руденко М. Н., Грибанов Ю. И. Тенденции цифровизации и сервисизации экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2. С. 5–8.
Rudenko M.N., Griбанov Yu.I. Trends of digitalization and servicization of economy. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 2019;(2):5-8. (In Russ.).
 16. Рензин О. М., Суслов Д. В. Экономическая динамика в Японии: детализация институциональных контуров политики «Абэномики» // Японские исследования. 2020. № 1. С. 85–105. <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10005>
Renzin O.M., Suslov D.V. Economic dynamics in Japan: Detailing of the Abenomics policy institutional outlines. *Yaponskie issledovaniya = Japanese Studies in Russia*. 2020;(1):85-105. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2500-2872-2020-10005>
 17. Щедровицкий П. Г., Кузнецов Ю. В. Адам Смит о разделении труда // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 27–38.
Shchedrovitsky P.G., Kuznetsov Yu.V. Adam Smith's ideas on the division of labor. *Voprosy filosofii*. 2016;(5):27-38. (In Russ.).
 18. Курбанов А. Х. Аутсорсинг: теория, методология, специфика применения в военной организации: монография. СПб.: Копи-Р Групп, 2011. 277 с.
Kurbanov A.Kh. Outsourcing: Theory, methodology, specifics of application in a military organization. St. Petersburg: Copy-R Group; 2011. 277 p. (In Russ.).

19. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Аутсорсинг: история, методология, практика: монография. М.: Инфра-М, 2012. 112 с.
Kurbanov A.Kh., Plotnikov V.A. Outsourcing: History, methodology, practice. Moscow: Infra-M; 2012. 112 p. (In Russ.).
20. Вертакова Ю. В., Дмитриев Д. В., Плотников В. А. Подход к решению задач импортозамещения на основе использования возможностей межорганизационного взаимодействия // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 5. С. 556–565. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-5-556-565>
Vertakova Yu.V., Dmitriev D.V., Plotnikov V.A. An approach to solving import substitution problems based on the use of interorganizational interaction opportunities. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2025;31(5):556-565. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-5-556-565>
21. Дмитриев Д. В. Менеджмент сетевых организаций: анализ экономической природы // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 2. С. 205–211. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-2-205-211>
Dmitriev D.V. Management of network organizations: Analysis of economic characteristics. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2025;31(2):205-211. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-2-205-211>
22. Котляров И. Д. О методике идентификации гибридных структур // Вестник НГУЭУ. 2015. № 4. С. 347–356.
Kotlyarov I.D. Methods of identification of hybrid structure. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*. 2015;(4):347-356. (In Russ.).
23. Линь М. Вопрос технологического суверенитета в XXI веке: понятие, особенность и опыт Китая // Право и политика. 2024. № 9. С. 20–39. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.9.71241>
Lin M. The issue of technological sovereignty in the 21st century: The concept, peculiarity and experience of China. *Pravo i politika = Law and Politics*. 2024;(9):20-39. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2024.9.71241>

Информация об авторах

Олег Григорьевич Смешко

доктор экономических наук, доцент, ректор
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Владимир Александрович Плотников

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры общей экономической теории
и истории экономической мысли¹, профессор
кафедры менеджмента и государственного
и муниципального управления²

¹ Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21

² Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Юлия Владимировна Вертакова

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры маркетинга
Российский государственный гуманитарный
университет

125047, Москва, Миусская пл., д. 6

Поступила в редакцию 11.08.2025
Прошла рецензирование 27.08.2025
Подписана в печать 11.09.2025

Information about the authors

Oleg G. Smeshko

D.Sc. in Economics, Associate Professor, rector
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020,
Russia

Vladimir A. Plotnikov

D.Sc. in Economics, Professor,
Professor at the Department of General Economic
Theory and the History of Economic Thought¹,
Professor at the Department of Management
and Public and Municipal Administration²

¹ St. Petersburg State University of Economics

21 Sadovaya st., St. Petersburg 191023, Russia

² St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44a Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020,
Russia

Yuliya V. Vertakova

D.Sc. in Economics, Professor,
Professor at the Marketing Department
Russian State University for the Humanities

6 Miusskaya sq., Moscow 125047, Russia

Received 11.08.2025
Revised 27.08.2025
Accepted 11.09.2025

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest
related to the publication of this article.